

Глава 6. Вопрос

Троица ехала день и ночь. Держа путь на юг через Хуайань и Цзянъинь, они переправились через реку Суй и наконец добрались до подножия горы Аньшань.

За те неполные полмесяца, что прошли с момента отъезда из Линьчжоу, они пережили пять покушений.

У подножия горы раскинулся средних размеров город. Ли Мэн никогда прежде не уезжал так далеко от Чжунъаня. Самым далёким путешествием в его жизни до сих пор оставалась поездка в Жуйчжоу, где он ребёнком недолго жил с родителями. Туда же увёз его и Чжао Лои после побега. С каждым днём пути пейзаж за окном менялся, являя взору всё новые чудеса. К тому же за последние две недели не выпало ни крупницы снега, а воздух становился всё теплее.

Для мастеров боевых искусств капризы погоды мало что значили, но Ли Мэн не мог не заметить: прохожие больше не кутались в тяжёлые одежды с меховыми воротниками.

— Юнъинь, — прочитал Ли Мэн, вглядываясь в иероглифы на крепостной стене. Читать он умел, так что название разобрал без труда.

Стражники у ворот изнывали от лени. Обыскивали прохожих они неохотно и лишь под настроение, предпочитая всё свободное время резаться в карты за низким столиком у крепостной стены.

Решив сначала устроиться на ночлег, Хо Ляньюнь разузнал дорогу к самому большому постоялому двору в городе.

— Раз уж вызвался сопровождать меня, негоже тебе тратиться, — Хо Ляньюнь перехватил руку Чжао Лои, когда тот потянулся за кошельком, не позволяя достать деньги.

Чжао Лои лениво огляделся. Он скользнул взглядом по Ли Мэну. Мальчишка, за спиной которого висела купленная в дорогу бамбуковая шляпа, был ещё совсем невзрачным подростком, хотя со временем наверняка вытянется. Сейчас он уже целую вечность неприкаянно топтался у входа.

— Чего застыл? — Чжао Лои подошёл ближе. По старой привычке он хотел было отвесить ученику лёгкий пинок, но вовремя сообразил, что хрупкий мальчишка от такого проявления чувств может и рассыпаться, поэтому просто взъерошил ему волосы. Ли Мэн от этого жеста испуганно вздрогнул. Чжао Лои недовольно нахмурился.

— Ничего, — буркнул Ли Мэн и поспешно зашагал к конторке трактирщика.

Там как раз вовсю хлопотал почтенный хозяин:

— Сию минуту! Два лучших покоя на верхнем этаже. Обождите мгновение, господин, сейчас позову слугу, он проводит вас. Лошади при вас имеются?

Хо Ляньюнь вместе со слугой отправился на конюшню, оставив Ли Мэна дожидаться у стойки. Мальчик изнывал от скуки. Заметив, что Чжао Лои так и не зашёл, он направился к выходу.

Тот застыл у торгового лотка напротив. Высокий, плечистый, с непроницаемым суровым лицом — он наводил такой страх на прохожих, что те боязливо огибали его по широкой дуге.

Ли Мэн мысленно застонал и, прикрыв лицо ладонью от стыда, потащился обратно к стойке.

Вскоре Чжао Лои вошёл в трактир, держа в руках объёмистый свёрток из промасленной бумаги. Не удостоив ученика и взглядом, он сразу направился к лестнице. Следом вернулся Хо Ляньюнь, и они дружно поднялись в свои комнаты.

На юге даже постоянные дворы были другими. Окна их покоев выходили на реку, протекавшую прямо под стенами здания. Как раз в этот момент внизу неспешно проплывала расписная ладья. Стоявшая на носу служанка в ярко-красной юбке, заметив в окне Ли Мэна, что-то звонко крикнула. Голос её, певучий и нежный, заставил мальчика замереть, засмотревшись на незнакомку.

— Глаза проглядишь. Девушка говорит: посмотришь ещё раз — придётся раскошелиться, — раздался из глубины комнаты ровный голос.

Ли Мэн обернулся. Чжао Лои уже доставал из кошелька кусочек серебра.

— Держи, — он протянул монету мальчику. — Спустишься во двор, там через заднюю калитку выйдешь к каменным ступеням у воды. Этого хватит, чтобы подняться на борт и вдоволь там поглазеть.

— А что там, на лодке? — полюбопытствовал Ли Мэн.

Вглядевшись в любопытное лицо ученика, Чжао Лои вдруг понял, что разрез глаз у Ли Мэна вовсе не узкий и хитрый, как показалось при первой встрече. Должно быть, тогда сирота просто не спал несколько ночей подряд, оттого и щурился. Глаза у него были небольшими, но какими-то влажными, блестящими.

Этот взгляд неожиданно воскресил в памяти Чжао Лои давнее воспоминание. После своего первого дела он, тяжело раненный, целый месяц пролежал в грязном тупике. Каждое утро из дверей соседней лавки выходил мужчина и оставлял у его рогожи пару горячих пампушек, а рядом бросал кости для бродячих собак.

Чёрный бездомный пёс, наевшись, прыгал к нему прямо на живот и устраивался там

поудобнее.

Чжао Лои пытался прогнать его, но пёс смотрел так кротко и жалобно, словно вымаливал хотя бы мимолётное прикосновение к своей косматой голове.

— Ничего примечательного. Девки, — Чжао Лои хмыкнул и принялся разворачивать промасленный свёрток. По комнате мгновенно растёкся густой, дразнящий аромат жареной снеди.

Ли Мэн шумно сглотнул слюну и облизнулся.

Внутри обнаружилось множество мелких пакетиков. Чжао Лои неторопливо разложил их на столе, вскрыл один, подцепил пальцами лакомый кусочек и отправил в рот.

— Иди уже. Нечего тут стоять и слюни пускать.

Ли Мэн взвесил на ладони серебро, поколебался мгновение и протянул монету обратно наставнику:

— Не пойду я. Лучше отдайте мне то, что вы купили.

В груди Чжао Лои шевельнулось странное, почти забытое чувство — лёгкое и тёплое. Ничем не выдав удивления, он молча забрал серебро.

— Бестолочь, — буркнул он беззлобно, пряча монету обратно в кошель.

Они устроились у стола и принялись уплетать сласти, на которые Ли Мэн так жадно заглядывался у уличного торговца.

Больше всего Ли Мэну пришлось по вкусу речные улитки и превосходная рыба с острыми маринованными овощами. Еда оказалась щедро сдобрена жгучим перцем; мальчик быстро покраснел, а его глаза заблестели от выступивших слёз.

Чжао Лои молча пододвинул к нему глиняный кувшин.

Ли Мэн припал к горлышку и сделал добрый глоток.

— Сладкое...

— Сливанное вино. Хорошего здесь не сыскать, но чтобы унять жжение — в самый раз.

Ли Мэн шмыгнул носом и приложился ещё раз. Чжао Лои пил с ним из одного кувшина, но стоило мальчишке сделать пятый или шестой глоток, как наставник отобрал посуду.

— Мал ещё пьянствовать. Хватит с тебя.

С этими словами он в пару глотков осушил кувшин до дна.

Наевшись, Ли Мэн забрался с ногами на стул и принялся уплетать кисло-сладкие пластинки боярышника.

Чжао Лои устроился рядом, бережно протирая свою длинную трубку.

— Ой! — вдруг вскрикнул мальчик.

Чжао Лои повернул к нему своё бесстрастное лицо.

На Ли Мэне не было лица: казалось, он вот-вот разрыдается. В то же время он до смерти боялся разгневать наставника. Поэтому, встретившись с его вопрошающим взглядом, Ли Мэн поспешно пролепетал, что всё в порядке.

В комнате воцарилась тишина. Чжао Лои по природе своей был неразговорчив и холоден: не пожелал отвечать — и не надо, выпытывать силой он ничего не станет.

Прошло немало времени, прежде чем Ли Мэн, изнывая от душевных терзаний, решился пододвинуться ближе к Чжао Лои. Опасаясь гнева наставника, он предусмотрительно устроился по другую сторону стола и тихо позвал:

— Учитель...

Тот мазнул по нему взглядом и вернулся к чистке медного мундштука.

— Я... я меч забыл. В Линьчжоу оставил.

— И что я говорил тебе на этот счёт? — ровным, леденящим душу голосом отозвался Чжао Лои.

— Оружие — это жизнь воина, — едва слышно прошептал Ли Мэн, шмыгая носом.

— Помнить помнишь. А понимаешь ли ты, как должен поступить?

Чжао Лои полез в дорожный узел, достал оттуда меч и со стуком опустил его на стол перед

мальчиком. Ножны были скромными, деревянными, без драгоценностей и вычурных узоров. Большим пальцем Чжао Лои сдвинул гарду, обнажая полоску холодной тусклой стали, и в упор посмотрел на ученика.

В глазах Ли Мэна мгновенно заблестели слёзы.

Чжао Лои недовольно прищурился. В его вздохе скользнуло нетерпение, он раздражённо повёл бровью:

— Раз не понимаешь — спроси. Чего молчишь?

Мальчик судорожно вздохнул. По его щеке покатилась крупная слеза, губы задрожали, а сам он сжался, напоминая забитого щенка.

— Вечно ты сырость разводишь! — поморщился Чжао Лои. — Живее говори!

Резкий окрик окончательно лишил Ли Мэна самообладания. Он зарыдал в голос, размазывая слёзы по щекам:

— Учитель, пощадите! Я жить хочу, я ещё не готов умирать! Дядя Чжао, умоляю, сжальтесь! В следующей жизни я для вас волком стану, собакой верной буду, только не убивайте!

Все обиды и лишения, накопившиеся с того дня, как он покинул Чжунъань, хлынули наружу. Вид обнажённой стали высвободил весь ужас, что таился в душе подростка.

Чжао Лои убивает не задумываясь. Ли Мэн решил, что наставник велит ему покончить с собой во искупление позора. Но он не мог умереть! Кровь его близких до сих пор взывала к мести.

Он вспомнил, как безжалостно Чжао Лои расправился с преследователями на тракте, вспомнил, какими подозрительными взглядами награждал его всю дорогу Хо Ляньюнь. Даже сласти, купленные наставником на рынке, теперь казались предсмертным угощением по законам цзянху — чтобы на тот свет голодным не отправлялся.

От этих мыслей слёзы хлынули с новой силой.

Ему было стыдно за свою слабость, но совладать с собой он не мог. Мальчик лишь глухо и жалко всхлипывал.

Чжао Лои недоумённо оглядел ревающего ученика и с тихим щелчком задвинул клинок обратно в ножны.

— Этот меч мне подарил мой первый собутыльник, когда я только спустился с гор. Простой кузнец, но дело своё знал крепко. Клинок зовётся «Безрассудством».

Он хмыкнул и скептически изогнул бровь:

— И кто тут собрался становиться волком или собакой?

Ли Мэн мгновенно затих. Его щёки залила густая краска смущения. Шмыгнув носом, он робко протянул руку и коснулся простых ножен:

— Он... он мне?

— Не хочешь — не бери. Вернёмся в Жуйчжоу, подыщу другой, — Чжао Лои решил, что мальчишка расстроился из-за простого вида оружия. Молодёжи ведь подавай ножны поярче да узоры повычурнее, а этот меч выглядел слишком невзрачно по сравнению с утерянным.

— Хочу! Очень хочу! — Ли Мэн поспешно прижал ножны к груди, словно боясь, что подарок отберут. Он осторожно потянул рукоять. Клинок вышел с тихим шелестом, блеснув грозной и чистой сталью. Это оружие было куда лучше прежнего — ведь его хранил у себя сам Чжао Лои.

— Раз лёг в руку — владей, — равнодушно бросил Чжао Лои. Закончив чистку, он завернул отполированную трубку в чистую тряпицу.

Ли Мэн с любопытством уставился на него.

Подарок растопил лёд. Мальчик наконец почувствовал, что этот суровый человек — действительно его учитель. Осмелев, он решил завязать разговор:

— Учитель, у меня есть вопрос.

— Говори, если по делу. Пустую болтовню я не люблю, — Чжао Лои застелил постель и уселся на неё, скрестив ноги.

— Откуда у вас эта трубка? — Ли Мэн давно сгорал от любопытства. В цзянху хватало мастеров меча или копья, но чтобы кто-то сражался тяжёлой курительной трубкой — такого он ни разу не встречал.

Чжао Лои нахмурился.

Ли Мэн испуганно отодвинул табурет назад.

— Ты так меня боишься? — ровно спросил Чжао Лои.

— Вы мой учитель, конечно, боюсь, — покривил душой Ли Мэн.

В самом деле, кто бы не трепетал перед убийцей, который безжалостно лишает людей жизни, а после хладнокровно проверяет, не осталось ли выживших? После резни на тракте Ли Мэн старался держаться от него подальше. Благо Хо Ляньюнь всегда был приветлив и обустраивал их быт в дороге, иначе это путешествие превратилось бы для сироты в кошмар.

— Семейное наследие, — сухо бросил Чжао Лои.

— Вы ведь не любите улиток, да?

Чжао Лои на мгновение замер, но тут же вернул лицу привычную бесстрастность:

— Нет. Просто видел, как ты уплетал их.

Ли Мэн вспомнил обед. Наставник действительно почти не прикоснулся к улиткам, уступив всё ему.

— А та женщина, что звала вас старшим братом... Она ваша младшая наставница?

— Когда-то была.

— Она ведь любила вас? — выпалил Ли Мэн на одном дыхании.

Чжао Лои сохранял каменное выражение лица. Он медленно поднял взгляд на мальчишку, подумал и глухо обронил:

— Раньше.

— А сейчас? Всё ещё любит? — в глазах Ли Мэна вспыхнул азарт.

Чжао Лои молча поднял руку. Заметив, как наставник поигрывает зажатой в пальцах медной монетой, готовый пустить её ему в лоб, Ли Мэн испуганно замахал руками:

— Понял! Больше ни слова!

Чжао Лои отвернулся к двери. Медный кругляк в его руке успел нагреться от тепла ладони.

— Сколько людей вы убили? — тихо спросил Ли Мэн.

Чжао Лои долго молчал, прежде чем глухо отозваться:

— Триста? Может, пятьсот.

Ли Мэн с трудом сглотнул слюну и едва слышно спросил:

— А первого... вы помните?

Не отрывая взгляда от двери, Чжао Лои обронил:

— Помню. Чуть сам тогда костями не лёг.

Ли Мэн замолчал. В ремесле убийц осечка означает смерть. Первую схватку, когда на кону стояло своё собственное выживание, забыть невозможно. Любопытство угасло, уступив место тяжёлым думам.

— Каково это — убивать? — невольно вырвалось у него.

— Придёт время, сам узнаешь, — Чжао Лои поднялся с постели и подошёл к двери.

На пороге стоял Хо Ляньюнь. Заложив одну руку за спину, во второй он держал дымящуюся пиалу.

— На кухне как раз поспел куриный бульон с женьшенем, — с улыбкой сказал он. — Я уже выпил пиалу и о вас вспомнил.

Чжао Лои скользнул взглядом по его правой стороне груди. По осаночной походке Хо Ляньюня невозможно было понять, что он ранен — по крайней мере, Ли Мэн не замечал ничего подозрительного.

— На, выпей, — Чжао Лои забрал пиалу и передал ученику.

— Совсем забыл про твоего ученика, — усмехнулся Хо Ляньюнь и подозвал трактирного слугу. Вскоре в комнату принесли ещё одну пиалу.

Поначалу Ли Мэну казалось, что Хо Ляньюнь — славный малый. Во время празднования Нового года в Жуйчжоу маркиз Линъян привёз много подарков и лично отвёл Ли Мэна справиться новую одежду. В ту пору мальчик провёл под началом Чжао Лои всего два месяца. Наставник почти не разговаривал с ним, а в Башне жило несколько десятков человек, так что

Ли Мэн не крутился перед глазами учителя без дела. Хо Ляньюнь же частенько брал его с собой на прогулки. Ли Мэн был искренне благодарен ему за это и в последующие два года с нетерпением ждал каждого визита второго шишу.

Но постепенно Ли Мэн стал замечать, что Хо Ляньюнь что-то скрывает от Чжао Лои.

— Пей, а то вылью, — велел Чжао Лои.

Ли Мэн быстро осушил пиалу. Хо Ляньюнь улыбнулся:

— Захвати пустую посуду и отнеси вниз. Да, кстати, говорят, в здешнем ресторане «Превосходный вкус» мастер Се готовит изумительные каштановые пирожные. Сходи разузнай, и если действительно хороши, купи немного в дорогу.

Ли Мэн послушно кивнул. Подвязав к поясу новенький меч Безрассудства, он почувствовал себя настоящим героем. Гордо выпрямив спину, он спустился по лестнице с пустой посудой.

Выйдя на улицу, он заглянул в кошель: два золотых слитка и горсть мелкого серебра. Ли Мэн бережно упрятал деньги за пазуху, чтобы не выронить в толпе.

Хо Ляньюнь стоял на галерее, откуда хорошо просматривалась оживлённая улица.

— Говори, — бросил Чжао Лои.

— Ты говорил, что подобрал мальчишку случайно. Где именно ты его нашёл и уверен ли, что его происхождение чисто?

— В Цинчжоу, прошлой зимой, во время заморозков. Семья вымерла, — ответил Чжао Лои. — Это не он.

— С прошлой зимы один за другим во время заданий гибнут наши братья. Монах, Цветочница, тётушка Цуй и Девочка Цуй — неужели ты забыл? — возразил Хо Ляньюнь. — Всё началось как раз тогда, когда появился этот Ли Мэн. Не слишком ли частые совпадения?

— Если у него хватит ума шпионить, я разделю с тобой постель, — бесстрастно отозвался Чжао Лои.

Хо Ляньюнь усмехнулся:

— Ловлю на слове.

— Шучу, — Чжао Лои никогда не принимал болтовню друга близко к сердцу.

Хо Ляньюнь был из благородных, и в нём жила неискоренимая привычка столичных повес докучать окружающим. Больше всего на свете маркизу нравилось дразнить невозмутимого, угрюмого Чжао Лои, пытаясь выдавить из него хоть какое-то подобие эмоций.

— Взял ученика, и уже шутить научился? И сколько дней-то прошло, — хмыкнул Хо Ляньюнь.

— Я говорю лишь то, что есть, — Чжао Лои потерял терпение. — Лучше скажи, разузнал про тех, кто идёт за нами? Нельзя вести этих собак в Башню Десяти Направлений.

— Помимо Сяо Чанчу, за нами увязались ещё два отряда императорских ищеек и три — вольные наёмники цзянху, — посерьёзней Хо Ляньюнь. — Сяо Чанчу изгнали из Башни за сговор с властями, и ты прекрасно знаешь, под кем она ходит. Однако те две другие группы из столицы вряд ли подчиняются генералу Чэню. Люди цзянху хотят лишь одного: секретные свитки, редкое оружие или красивых женщин. У двора цели иные. На оружие или девок им плевать, да и секреты боевых искусств их вряд ли прельщают. Хэ Жуйтин петлял знатно, но в Чжунъянь он пробирался из Фэнъяна.

Пальцы Чжао Лои, до этого мерно выстукивавшие дробь по перилам, замерли. Внизу шумел весёлый Юньинь, пестрели торговые лавки.

— Семья Ван обосновалась в Фэнъяне, — произнёс Чжао Лои. — Не смогли прибрать к рукам Башню Десяти Направлений, так решили похитить Свиток Сотни Оружий.

— Если бы Башня Десяти Направлений покорила двору, братьям не пришлось бы вечно таиться в темноте. Глядишь, со временем и выбились бы в люди, вернули бы добрую славу предкам.

Чжао Лои молча развернулся, вошёл в покои и с силой захлопнул за собой дверь.

По дороге Ли Мэн то и дело расспрашивал прохожих. Ресторан «Превосходный вкус» оказался далеко, но мальчик был только рад возможности побродить по городу. Улицы Юньиня пестрели вывесками и лавками, заставляя глаза разбегаться. На миг ему почудилось, будто он вернулся в родной Чжунъянь. Повсюду продавали нефрит и диковинки, шумели чайные и питейные дома, а у почтовых станций суетились гонцы. На углах сидели уличные писцы, строча под диктовку письма.

Наконец впереди показалась нарядная вывеска «Превосходного вкуса». Сначала трактирный зазывала окинул просто одетого подростка равнодушным взглядом. Но стоило Ли Мэну звякнуть кошельком и явить миру висящий на поясе меч, как слуга расплылся в подобострастной

улыбке и со всеми почестями проводил его на второй этаж, приняв за благородного молодого господина.

— Обождите мгновение, господин, — кланяясь, лебезил слуга. — Каштановые пирожные у нас всегда свежие, я мигом всё устрою.

Ли Мэн порасспросил о здешней стряпне и заказал всего понемногу. Сладкое он любил с детства, но за время ученичества почти забыл вкус лакомств. Мальчик рассудил, что заберёт остатки с собой в дорогу, да и торопиться назад не имело смысла — Хо Ляньюнь явно услали его подальше ради разговора с Чжао Лои.

Ресторан оказался на диво чистым и нарядным: резное дерево ширм, тонкий шёлк, а где-то в углу нежно играли на лютне. Ли Мэну на миг показалось, будто он снова оказался в покоях у своей третьей тётушки.

Прошло немало времени. Решив, что слуга слишком задерживается, Ли Мэн поднялся, чтобы поторопить трактирных. Но стоило ему встать, как в глазах потемнело, тело отяжелело, и он кулем рухнул на пол.

Теряя сознание, он успел заметить лишь колыхнувшийся перед глазами подол фиолетового платья.

<http://bllate.org/book/18266/1758449>